

ГОГОЛЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

© 2009 **Хамзаева Х.М.**

Дагестанский государственный педагогический университет

Статья посвящена гоголевским традициям в зарубежной литературе XX века. С появлением «Шинели» Гоголя в литературе открылась новая тема – тема «маленького человека». Акакий Акакиевич Башмачкин становится мифологемой XIX и XX столетий. Хронотоп гоголевской «Шинели» сохраняет и в XX веке традиционные черты. Вместе с тем современный типаж Башмачкина проходит испытание на прочность. В тягостных блужданиях по будням современного общества перед ним засветилась надежда – сопротивляться им.

The article is dedicated to Gogol's traditions in foreign literature of the 20th century. With appearance of "The overcoat" by Gogol in literature the new theme was revealed, i.e. the theme of the "ordinary human". Akaky Akakievich Bashmachkin becomes a mythologeme of the 19th and the 20th centuries. Chronotop of Gogol's "Overcoat" keeps its traditional features in the 20th century as well. Besides, Bashmachkin's modern type passes through the strength test. In onerous roamings along the daily routine of the modern society he saw the hope at last to be able to resist them.

Ключевые слова: мифологема, традиция, хронотоп, подтекст, мистицизм.

Keywords: mythologeme, tradition, chronotop, subtext, mysticism.

В статье «Анна Каренина» Томас Манн, немецкий писатель и ученый, вспомнил, как «Тургенев сказал однажды: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели» [4. С. 252]. С точки зрения Манна это замечание отражает внутреннее единство русской литературы, непрерывность ее традиций. Манн преклонялся перед русской литературой XIX века, и считал, что ее великие мастера пришли в мир почти одновременно, можно сказать, ведя «друг друга за руку». Манн приводит эпизод, когда «Николай Гоголь читал великому Пушкину свои «Мертвые души» и творец «Евгения Онегина» смеялся до упаду, впрочем, потом ему вдруг стало грустно» [4. С. 252]. Манн видит сходство в истории немецкой и русской литератур в том, что эта история – «история страданий» [4. С. 252].

Томас Манн считает, что с Гоголя начинается переход к чему-то новому, «грядущему». Ю. Манн назвал этот переход неумолимым творческим переходом от гоголевского комизма, смеха и веселости к грусти и трагизму [5].

С появлением «Шинели» в литературе открылась новая тема – тема «маленького человека». Центральный персонаж повести – титулярный советник Акакий Акакиевич Башмачкин, человек не от мира сего, персонаж гофмановского типа. Патологически неуклюжий, косноязычный, безразличный к комфорту, сосредоточенный на одной маниакальной идее – приобрести теплую шинель на толстой вате, Башмачкин становится мифологемой 19 и 20 столетий. Мифологема Гоголевской

шинели оказывала художественное воздействие на зарубежные культуры мира.

Типаж Башмачника сохраняет и в XX веке традиционные черты. Герой повести известного немецкого драматурга и писателя Патрика Зюскинда «Голубка», одинокий, изолированный от всего мира, дрожащий от страха Ионатан Нозль – немецкий вариант наших старых знакомых – Акакия Акакиевича и Человека в футляре.

Ионатану Нозлю было уже за пятьдесят, из них последние двадцать он прожил без всяких событий, он ненавидел их. В детстве и юности он пережил трагедии сиротства, подчинения воле чужого для него дяди, по его приказу, батрачил на огородах, затем послушно завербовался на три года в армию. Ионатан покорно соглашался на все, монотонность покоя и бессобытийность были единственным состоянием, к которому он стремился.

Как и Акакий Акакиевич, Ионатан усердно служит; тридцать лет он с девяти утра до половины шестого стоял перед порталом банка или размеренно перемещался по трем нижним ступеням мраморной лестницы. Однажды он подсчитал, что по выходе на пенсию он станет единственным человеком в Париже и даже во Франции, кто дольше всех простоял на одном и том же месте.

В хронотопе гоголевской «Шинели» использован тот же художественный прием – Акакий Акакиевич не пожелал что-либо изменить в своей жизни. На предложение заполнить канцелярскую бумагу с некоторыми вариантами он ответил отказом и навсегда остался переписчиком.

Т. Манн в своей лекции, прочитанной студентам Принстонского университета «Искусство романа», называет Льва Толстого «романистом новейшего времени». Принцип культуры «нового времени» – это принцип углубления во внутреннюю жизнь: «Задача романиста не в том, чтобы рассказывать о крупном событии, а в

том, чтобы сделать интересными мелкие» [4. С. 281].

В статье «Анна Каренина» Манн подтверждает мысль Мережковского об изменениях в творческом сознании, обусловленных временем. Он называет эти изменения «новейшими» и начинает их с Гоголя [4. С. 253]. В центре хронотопа гоголевской «Шинели» – страдающая душа маленького человека.

Ионатан из повести Зюскинда нашел, наконец, для себя пристанище. «Впервые войдя в комнату 24, он сразу понял, вот оно то, чего ты, собственно, всегда желал, здесь ты останешься навсегда» [3. С. 9].

В отличие от Акакия Акакиевича немец Ионатан обустроивал свою комнату, завел небольшую библиотеку. Комната стала напоминать роскошное купе спального вагона. «Для Ионатана она была и оставалась надежным островом в ненадежном мире, его твердой опорой, его прибежищем, его возлюбленной, да, возлюбленной, ибо когда он по вечерам возвращался с работы, она, эта маленькая комната, нежно обнимала его, она его согревала и защищала ... и ничто на свете, до самой смерти, не сможет разлучить их: Ионатана и его любимую комнату» [3. С. 7].

В нереальном мире мечтаний живет и Акакий Акакиевич, создавший в своем воображении «разнообразный и приятный» мир, переписывая канцелярские бумаги. Когда Башмачкин выписывал любимые буквы, он становился «сам не свой: и посмеивался, и подмигивал, и помогал губами ...» [1. С. 124].

В «Шинели» Гоголя и «Голубке» Зюскинда просматриваются параллели с творчеством Гофмана, когда он, следуя принципам Жака Калло – живописца XVII века, изображал мир «знакомо – чуждый, реально – фантастический» [2. С. 321]. Ю. Манн в статье, «Гоголь» пишет, что он отказался от фантастики в собственном смысле слова, используя такие изобразительные средства, которые правильнее назвать

проявлением не фантастического, но «странно-необычного».

В «Шинели» Гоголя «странно-необычными» были сам герой – Акакий Акакиевич Башмачкин и мертвец-чиновник, по ночам мстивший всем подряд за украденную шинель. Один из департаментских чиновников узнал в нем Акакия Акакиевича.

В повести П. Зюскинда таким «странно – необычным» явлением было появление в августе 1984 г. на пороге его комнаты в гладком, свинцово – сером оперенье голубки. Детализация, свойственная стилю П. Зюскинда, делает это странное событие вполне реальным происшествием. «Она склонила голову на бок и уставилась на Ионатана своим левым глазом. Этот глаз – маленький, круглый диск, карий с черной точкой зрачка – внушал ужас. Он походил на пуговицу, пришитую к головному оперенью; без ресниц, без бровей, совершенно голый, он был бесстыдно обращен вовне и жутко открыт» [3. С. 8]. Ионатан испугался до смерти. Перед глазами стали вырисовываться картины одна страшнее другой, и герой уверен: «О, Ионатан, Ионатан, твое положение безнадежно, ты погиб, Ионатан» [3. С. 9].

Герой повести ищет спасения у бога: «Боже мой, Боже, почему ты меня оставил? Отче наш, иже еси на небесах, спаси меня от этой голубки, аминь!» [3. С. 9].

Ионатан не знал настоящей молитвы, он взывал к богу, – больше не от кого было ждать помощи. Это был призыв к состраданию и жалости к одинокому, беззащитному, маленькому человеку. Герой повести «Голубка» почти повторяет просьбу Акакия Акакиевича к своим сослуживцам, которые постоянно подсмеивались над ним: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» [1. С. 123]. Один из молодых чиновников на всю жизнь запомнил эту просьбу о жалости и заключенную в ней мысль: «Я брат твой» [1. С. 124].

В повести «Голубка» создан образ – символ, выполненный в традициях «ночных повестей» Гофмана и

фантастических повестей Гоголя. П. Зюскинд – создатель известного романа «Парфюмер» из истории Франции XVIII века. Подзаголовок «История одного убийцы». В повести «Голубка» нет экзотического сюжета, образов убийц и маньяков, но есть эта «странно – необычная» голубка, подстерегающая смирного, тихого маленького человека. Это символ – угроза, как сказал Гоголь в «Шинели», «разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге...» [1. С. 126]. Жизненные противоречия трагически неразрешимы, и они могут предстать в самом неожиданном воплощении. Гофман вводил странное, фантастичное в повседневную жизнь. Гоголь также в обычное, естественное течение жизни вводит мотивы сверхъестественного, «странно – необычного», таким образом вскрывая противоречия самой жизни.

Повесть немецкой писательницы Гизелы Эльснер называется «Испытание на прочность». Хронотоп гоголевской «Шинели» пополняется новыми художественными приемами. Героиня повести рассказывает, что с ней происходит, ей приходится бороться с призраками; ситуация почти неразрешимая. Девять месяцев она живет в постоянном напряжении. Она убедилась, что в ее отсутствие в квартиру наведываются неизвестные. Хотя она живет одна, но возникает ощущение, будто что-то неуловимо изменилось. «Тебе показалось, убеждала я себя и тогда, когда, вернувшись однажды домой, вновь обнаружила, что лампа на письменном столе выключена... Лампа горит у меня целый день, независимо от того, работаю я или нет, дома я или ушла. Я выключаю ее, лишь когда ложусь спать» [ИЛ, № 3, 39]. Кому бы она ни рассказала о своих опасениях, все улыбаются. Героиня наняла адвоката, но и он не верит. На улице героиня чувствует слезку, боится зайти в лифт. Она стала тщательно обследовать квартиру, развинтила все светильники, отвинтила крышку газовой плиты, рылась в шкафах, холодильнике. Через бинокль героиня наблюдает за

окнами соседей. Трагизм в повести нарастает. Героиня поняла, что «паутина», которой она окутана, создается самим государством; это социальная политика – унижить личность, уподобить ее множеству таких же безымянных, бесправных, бездомных. Ионатан, глядя на заснувшего на улице бродягу, говорит себе: «Ионатан, еще до конца года с тобой будет покончено, и ты, как этот клошар, будешь лежать на скамейке в парке, так же, как вон тот, твой в конец опустившийся собрат!» [3. С. 27].

Мотивы гоголевской шинели звучат вполне определенно. В условной, ускользающей действительности четко и определенно фиксируется болезненное сознание человека, проходящего испытание на прочность, но его не выдерживают Акакий Акакиевич и Ионатан. Потеря шинели и любимой комнаты означали потерю самого дорогого – свободы распоряжаться собственной жизнью, оградить себя от вторжения враждебных человеку стихийных сил. Остается одно только неотъемлемое право у бедняка – страдание, оно – в центре современной мифологемы гоголевской «Шинели».

Рассказ филиппинского писателя Франсиско-Сиониль-Хосе называется «Прогресс», в самом заглавии звучит ирония, в наше время прогресса разворачивается грустная история маленькой чиновницы, вызывающая в памяти гоголевскую «Шинель». Марина Сальседо прослужила в министерстве двадцать лет, получила повышение и чтобы оформить канцелярские бумаги, она отправилась в Манилу. Так начались мытарства героини, выяснилось, что анкеты на ее имя нет. «Личную анкету» ищут по всем отделам министерства, героиню отсылают от одного

«значительного» лица к другому. Марина Сальседо не поняла, как и Акакий Акакиевич, в чем состояла должность «значительного лица» в сравнении с «значительнейшим» Гоголь характеризует это «значительное» лицо: «Обыкновенный разговор его с низшими отзывался строгостью и состоял почти из трех фраз: «Как вы смеете? Знаете ли вы, с кем говорите? Понимаете ли, кто стоит перед вами?» [1. С. 143].

Марина Сальседо после того как обошла все отделы министерства и потратила на чиновников все свои деньги, попала, наконец, к нужному лицу. Героиня рассказа вынуждена упрашивать его поставить подпись: «Сэр, вы знаете, я всего лишь простой письмоводитель из провинции. У меня с собой только сто песо... Ну и глупая же ты, – проворчал Лобо, кинув на нее сердитый и удивленный взгляд. – Разве мне деньги нужны?» [6. С. 28]. Писатели зарубежной литературы XX века, наследуя классические традиции XIX века, передают трагизм мироощущения современного человека. За право существовать и прокормить свою семью он подвергается изощренным пыткам, которые устраивает «демократическое, свободное общество». Ограбленной и униженной Марине Сальседо министр говорит: «Но вы должны упорно и настойчиво трудиться. Вы должны помнить, что мы строим новое общество. И чиновничество имеет редкую возможность доказать свою значимость в создании прогрессивной нации» [6. С. 29].

Гоголевские сюжеты, построенные на контрасте между мечтой и действительностью, живут в произведениях XX столетия, они очень убедительны.

Примечания

1. Гоголь Н.В. Собр. соч. в 4 т. Т.2. М., 1968.
2. Дудова Л. Гофман, Э.Т.А. // Зарубежные писатели. Библиографический словарь в 2 ч. Ч.1. М., 2003.
3. Зюскинд П. Голубка // Иностранная литература. 1994. №9.
4. Манн Т. Собр. соч. в 10 т. Т.4. М., 1961.
5. Манн Ю.В. Гоголь // История всемирной литературы. Собр. соч. в 9 т. Т.6. М., 1989.
6. Франсиско Сиониль-Хосе. Прогресс //

Иностранная литература. 1986. №8. 7. Эльснер Гизела. Испытание на прочность // Иностранная литература. 1986. №3.

Статья поступила в редакцию 13.03.2009 г.